

§4 СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МОНИТОРИНГ

Поцелуев С.П.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОГО НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА (по страницам одного регионального опроса)

Аннотация. Предметом статьи является проблемная роль исторической памяти в формировании российской национальной идентичности. Автор подробно рассматривает феномен исторической памяти, выделяя в нем различные социальные виды (индивидуальную, коллективную, культурную память) и дискурсивные формы (живую, объективированную и организованную память). На материале опроса донских студентов (и в сравнении с данными аналогичных опросов, проведенных Фондом «Общественное мнение» и Левада-Центром) автор анализирует оценки студентами таких ключевых и неоднозначных событий советского прошлого, как Октябрьская революция, индустриализация и коллективизация, распад СССР и др. Сверх того, в статье обсуждается роль указанных оценок в отношении студентов к «Крымской весне» и непризнанным республикам Донбасса. Теоретико-методологической базой исследования выступает конструктивистский концепт исторической памяти, разработанный в отечественной и зарубежной науке. Эмпирическую основу статьи составили результаты анкетного опроса, проведенного в 2014–2016 годах коллективом учёных Южного федерального университета и Южного научного центра РАН в рамках научного проекта, посвященного исследованию праворадикальных идеологий в сознании студенческой молодежи Ростовской области. К новизне данного исследования относится систематизация автором различных видов и форм исторической памяти. Далее, автор творчески применяет различие «холодных» и «горячих» стратегий

Проект РГНФ № 14-03-00302а «Праворадикальные идеологиемы
в сознании студенческой молодежи Ростовской области».

исторической памяти для оценки политики памяти в постсоветской России. В связи с этим автор критикует постмодернистскую абсолютизацию мифа в конструировании национальной памяти и указывает на необходимость реализации стратегии «проработки трудного прошлого». Автор приводит новые аргументы в пользу тезиса о том, что в российском обществе (включая студенческую молодежь) имеется запрос на более решительную реабилитацию советского периода российской истории, чем это имеет место в нынешней официальной политике памяти. Материалы и выводы данной статьи будут полезны для оптимизации указанной политики.

Ключевые слова: историческая память, живая память, культурная память, политика памяти, горячая стратегия, холодная стратегия, проработка трудного прошлого, советское прошлое, большевистские вожди, Крымская весна.

Abstract. The subject of the article is the problematic role of historical memory in the formation of Russian national identity. The author examines in detail the phenomenon of historical memory, distinguishing its social kinds (individual, collective, and cultural memory) and discursive forms (living, objectified, and organized memory). On a material of the survey of Don students (in comparison with the data of similar surveys conducted by the Fund «Public opinion» and the Levada Center), the author innovatively analyzes the students' appraisals of the key and controversial Soviet past events such as the October Revolution, industrialization and collectivization, the collapse of the Soviet Union and others. Moreover, the article discusses the role of these appraisals in the students' attitudes to «Crimean spring» and the unrecognized republics of Donbass. Theoretical and methodological basis of research is the constructivist concept of historical memory, developed in the domestic and foreign science. The empirical basis for this article is provided by the results of a questionnaire survey conducted in 2014-2016 years by the team of scientists from Southern Federal University and the Southern Scientific Center RAS, in the framework of a research project devoted to the study of radical right-wing ideologemes in the minds of student youth of the Rostov region. To the novelty of this study include the systematization by the author of various social kinds and discursive forms of historical memory. Author uses constructively the difference between «cold» and «hot» historical memory strategies to assess the politics of memory in post-Soviet Russia. In this regard, the author criticizes the postmodern absolutization of myth in the construction of national memory and indicates the need for implementation of the «study of difficult past» strategy. The author provides new arguments in favor of the thesis that there is in Russian society (including student youth) a request for a stronger rehabilitation of the Soviet period of Russian history than is the case in today's official politics of memory. Materials and conclusions of article will be useful for optimization of that politics.

Key words: the Soviet past, study of difficult past, cold strategy, hot strategy, memorial policy, cultural memory, a living memory, historical memory, the Bolshevik leaders, Crimean Spring.

В своем знаменитом докладе «Что такое нация?» Э. Ренан высказал парадоксальную мысль о том, что «забвение или, лучше сказать, историческое заблуждение является одним из главных факторов создания нации» [1, с. 93]. Тем самым французский классик поставил вопрос о неизбежном конфликте двух когнитивных стратегий в отношении прошлого: научного анализа ради объективной истины VR. мифологизации ради символического консенсуса.

Виды и формы исторической памяти: к уточнению понятий

Мы понимаем под исторической памятью любой опыт обращения с прошлым, а таковой по характеру его социального носителя может быть представлен, как минимум, в трех видах: 1) как индивидуальная память отдельного человека; 2) как собирательная память коллектива (массы) людей, объединенных общим опытом; 3) как память больших воображаемых сооб-

ществу, объединенных культурными кодами. По своей дискурсивной форме упомянутые виды памяти различаются как 1) живая (субъективная) память; 2) как объективированная (культурная) память и 3) как организованная (сконструированная) память.

Упомянутые выше индивидуальная и коллективная (собирабельная) память суть виды живой (спонтанной и нерелексивной) памяти, но в первом случае ее носителем выступает отдельный человек, а во втором – коллектив людей. Коллективную память известный французский ученый М. Хальбвакс определял как «группу, рассматриваемую изнутри, причем за период, не превосходящий средний срок человеческой жизни, а очень часто за гораздо более короткое время» [2]. В отличие от живой памяти, объективированная или культурная память – это память, которая обязательно представлена в артефактах (а не только в сознании и живом опыте отдельных людей), и в этом смысле она есть память искусственная. Когда же культурная память специально организуется для политических целей, она приобретает вид «политики памяти».

Память (в каком бы виде она ни выступала) не может быть организована так, как кому-то вздумается, в этом смысле с памятью нельзя сделать все что угодно. Уже в трудах М. Хальбвакса идентифицированы важнейшие закономерности функционирования памяти, прежде всего, ее системность, которая обеспечивается неразрывной связью вспоминания и забывания, реализующейся в определенных рамках. Вспомнить означает вписаться в актуальные когнитивные рамки, состоящие, по Хальбваксу, из разных понятий и представлений, включая предрассудки и стереотипы, характерные для эпохи, в которой живет человек. Забыть значит, напротив, не вписаться со своими воспоминаниями в смысловые рамки актуального опыта. При этом воссоздание прошлого может быть лишь его «реконструкцией» на основе упомянутых «рамочек». Эти рамки Я. Ассман предложил называть общим термином «символические фигуры воспоминания», понимая под ними «культурно сформированные, общественно обязательные образы воспоминания», которые могут относиться не только к иконической, но и к нарративной форме» [3, с. 39].

Если память о прошлом не передается автоматически, но только благодаря (ре-)конструирующей деятельности сознания ныне живущих людей, тогда у этих людей должна быть главная потребность обращения к прошлому, и эта потребность – формирование и поддержание своей идентичности. Любая форма памяти «прочно связана со своими носителями и не может быть передана кому угодно. Кто участвует в ней, свидетельствует тем самым свою принадлежность к группе» [3, с. 40-41]. Соответственно, формирование и поддержание национальной идентичности требует особой политики в отношении прошлого, которая выступает важным элементом символической политики нациестроительства. Для выражения «политика памяти» в отечественной и зарубежной литературе имеется немало синонимов [4, с. 43], [5, с. 17]. Но суть при этом остается одна: использование (интерпретация и пере-интерпретация) коллективного прошлого в политических целях.

Стратегии национальной «политики памяти»

В постсоветской России (как и во многих других странах после революционной смены политического режима) значение политики памяти переоценить трудно. Центральным (и во многом нерешенным) вопросом этой политики остается отношение к советскому («коммунистическому») прошлому. Принятие на рубеже веков закона о государственных символах РФ несколько стабилизировало официальную политику памяти, но только отчасти, на уровне формального символического компромисса. За этим компромиссом («роевропейский» триколор, «примперский» герб и «просоветский» гимн) не стояло никакого национального мифа, который бы придавал этой символической коллекции общий идейно-политический (собственно национальный) смысл. Следует заметить, что миф имеет прямое отношение к исторической памяти, потому что он есть связный рассказ (нарратив) о прошлом страны, который объясняет ее настоящее и будущее. Я. Ассман метко назвал миф «сконденсированным до обосновывающей истории прошлым» [3, с. 82]. Любая политика

памяти использует миф как свой базовый символический ресурс.

Но политика памяти, как и любая символическая политика, может проводиться как сверху, политическими элитами, так и снизу, рядовыми акторами гражданского общества [4, с. 28]. Это соответствует различию «горячей» и «холодной» [3, с. 72-73] стратегий политики памяти, которые выделяет Я. Ассман, отправляясь от предложенного К. Леви-Строссом различия между «холодными» и «горячими» обществами. В случае холодной стратегии миф задействуется как средство легитимации (стабилизации, консервации) существующих порядков, а в случае горячей – как инструмент их делегитимации и дестабилизации. В первом случае мифический нарратив подчеркивает преемственность актуального состояния общества с его «героическими временами»; во втором – акцентируется деградация современного общества с точки зрения достижимого идеального состояния. Очевидно, что к холодной стратегии склонна политика памяти властвующих элит, а к горячей – их политических конкурентов и оппонентов.

Однако значение мифа для национальной памяти не следует абсолютизировать в постмодернистском духе, как это в известной мере происходит даже в блестящих работах А. Ассман. Холодная и горячая стратегии символической политики вполне отвечают далеко не всему спектру политических игроков; скорее, лишь его крайним точкам: властвующей элите, не желающей уходить, и радикальной (непримиримой) оппозиции. А между этими крайностями располагаются политические игроки, склонные к более рациональному освещению прошлого в рамках политического диалога. Для таких политических акторов важна взвешенная «проработка трудного прошлого», а не только чисто эмоциональный консенсус вокруг прошлого, достигнутый символическими (мифическими) средствами.

Попытки российских властей, начиная с 1991 года, выстроить мифический национальный нарратив претерпели определенную эволюцию. Первоначально это был миф о «новой (демократической) России», родившейся из «обломков тоталитарной советской империи».

Однако «утраченное» тем самым советское прошлое стало объектом беспрецедентной фальсификации, направленной, в том числе, против интересов РФ. С другой стороны, потребность в национальной консолидации требовала гораздо более глубокого исторического начала, чем неоднозначные события 1991 года.

Уже при президенте Б. Ельцине власть подняла вопрос о необходимости новой «национальной идеи». Позднее эта идея стала принимать очертания мифа о России как великой державе (сильном государстве, нации-цивилизации и т.п.) с тысячелетней историей, прерываемой геополитическими катастрофами вроде событий 1917 и 1991 года. Часть советского прошлого была в этом нарративе полностью «декоммунизирована», получив однозначно позитивную державно-патриотическую интерпретацию. Это касается, прежде всего, победы советского народа над немецким фашизмом, а также достижений СССР в области науки и техники. Однако до сих пор проблемным моментом официальной политики памяти остается оценка Октябрьской революции, главных коммунистических вождей (Ленина и Сталина) и ряд других моментов. По справедливому замечанию О.Ю. Малиновой, российская политическая элита проигнорировала возможность «переосмыслить символ Октября как пусть не кульминационный, но все же ‘великий’ эпизод ‘тысячелетней истории’» [5, с. 75]. Но насколько эта стратегия официальной политики памяти согласуется с фактическими представлениями о советском прошлом, разделяемыми гражданами современной России? Отвечают ли они реальным тенденциям общественного мнения?

При ответе на данный вопрос надо иметь в виду, что конструирование в постсоветской России нового национального нарратива осложняется конкуренцией горячих и холодных стратегий политики памяти. Консолидация общества требует холодной стратегии, когда вспоминается то, что подчеркивает законность и преемственность существующих социальных порядков, а все остальное – организовано забывается. Напротив, системная оппозиция целенаправленно акцентирует неудобные для нынешнего режима факты прошлого страны, тогда как исторически

легитимирующие актуальный режим факты, напротив, подвергает забвению либо искажению.

Если зачастую объектом исследования у отечественных политологов выступает политика памяти, проводимая от имени российского государства, то в нашей статье мы коснемся интерпретаций советского прошлого, как они представлены в сознании обычных граждан современной России, а именно, студентов донских вузов, которых мы опрашивали в рамках специального исследовательского проекта. Результаты данного опроса можно рассматривать, если не как случай «политики памяти снизу», то, по крайней мере, как когнитивную базу такой политики.

Упомянутый опрос производился в апреле-мае 2015 года сотрудниками Южного федерального университета и Южного научного центра РАН в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ № 14-03-00302а «Праворадикальные идеологемы в сознании студенческой молодежи Ростовской области». Было опрошено 718 студентов (350 юношей, 368 девушек) из пяти университетов области, при этом представлены были социогуманитарные, естественнонаучные, инженерно-технические и сельскохозяйственные направления подготовки.

Ленин и Сталин как символические фигуры исторической памяти

Отношение к советскому прошлому у наших студентов имеет особое значение для анализа исторической памяти в современной России. Ведь нынешние студенты относятся к поколению, которое уже не знает из личного опыта, что такое жизнь в СССР. С другой стороны, многие культурные «артефакты» этой эпохи остаются на виду и на слуху. Прежде всего, это относится к памятникам Ленину, а в самое последнее время – и к опыту возрождения памятников Сталину. Как оценивают наши молодые респонденты этих главных вождей «русского коммунизма»?

В.И. Ленин вызывает чувство симпатии у 45,1 % опрошенных нами студентов, тогда как чувство антипатии – у 19,5 %. Ровно треть респондентов (35,4 %) затруднились определить

свое отношение к некогда столь значимой для страны личности. Эти результаты нашего опроса не расходятся существенно с данными общероссийских опросов, проведенных Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) и Левада-центром. В опросе ФОМ от апреля 2014 года чуть более половины (52 %) россиян оценили Ленина как «хорошего человека», тогда как только 11 % – как «плохого», причем количество антипатизантов Ленина, по опросам ФОМ, в 2005 году составляло те же 11 % [6]. Сходные данные находим мы и в опросе Левада-Центра, проведенном в апреле 2014 года: 51 % респондентов оценили тогда роль Ленина в истории России как целиком (либо скорее) положительную, тогда как 26 % – как «резко» либо «скорее» отрицательную [7]. Примечательно, что число респондентов, затруднившихся с оценкой пролетарского вождя, не отличается радикально в нашем опросе от числа затруднившихся при общероссийской выборке. В упомянутом опросе ФОМ таковых было 37 %, а у нас – 35,4 %. В опросе Левада-Центра затруднившихся с оценкой Ленина респондентов заметно ниже (23 %), но среди молодежи студенческого возраста их значительно больше. Как заметил О. Савельев по итогам аналогичного опроса, проведенного Левада-Центром в 2012 году, «34% россиян моложе 25 лет затруднилось дать содержательный ответ о роли В.И.Ленина в истории России» [8].

Оценка И.В.Сталина у наших респондентов сходна с их оценкой В.И. Ленина: симпатию к «вождю народов» высказывают 41,4 % опрошенных, антипатию – 26,2 %, затруднились с ответом 32,5 %. Эти цифры также не расходятся резко с данными общероссийских опросов. В опросе Левада-Центра от марта 2015 года число россиян, испытывавших к Сталину положительные чувства (восхищения, уважения, симпатии) составляло 39 %, тогда как в негативных чувствах к вождю признались 20 % респондентов. При этом почти треть опрошенных (30 %) фигура Сталина оставила равнодушными, а 11 % затруднились определить свои чувства [9].

В общероссийских опросах следует, однако заметить одну важную деталь: усиление симпатий к Ленину и – особенно – к Сталину после 2014 года. Так, по данным Левада-Центра,

если в 2014 году 51 % респондентов оценивали роль Ленина в истории России как целиком либо скорее положительную, то в 2006 году таковых было 40 % [7]. Аналогично, в отчете Левада-Центра по опросу об отношении россиян к Сталину (2015 год) отмечается, что «доля россиян, придерживающихся мнения о том, что Сталина следует считать государственным преступником, сократилась. Если в 2010 г. так думал каждый третий россиянин, то сейчас – только каждый четвертый. В целом по стране с 25% в 2012 г. до 45% в 2015 г. увеличилась доля россиян, считающих жертвы, которые понес советский народ в сталинскую эпоху, оправданными великими целями и результатами, которые были достигнуты» [9]. Впрочем, свежий опрос Левада-Центра, проведенный в марте 2016 года, обнаружил обратную тенденцию: с 2014 по 2016 годы число граждан, позитивно оценивающих фигуру Сталина, снизилось с 40 до 37 % [10]. Причем среди молодежи в возрасте 18-24 лет доля тех, кто в опросе 2016 года считал, что сталинские репрессии «были политической необходимостью, они исторически оправданы», составило лишь 18 % против 34 % тех, кому за 55. Правда, среди молодых респондентов 26 % затруднились с ответом [10].

Усиление симпатий к советским вождям в период 2014-2015 годов многие исследователи объясняют патриотическим подъемом в период украинского кризиса и «Крымской весны». Но это – не единственная причина, так как тенденция к реабилитации большевистских вождей четко проявилась еще до 2014 года; более того, согласно опросам последних лет, у них появились «новые фанаты из людей младше 20 лет» [11].

«Холодная» стратегия официальной политики памяти, состоящая в стилизации советского прошлого в одну из славных страниц истории России как великой державы с тысячелетней историей, предполагает ту или иную степень «национализации» Ленина и Сталина вопреки исходным интенциям большевистской идеологии. Правда, на официальном уровне эта стратегия реализуется сегодня непоследовательно и противоречиво, но она отвечает настроению наших респондентов. Наибольшее количество симпатизантов Ленина и Сталина

обнаруживается в нашем опросе среди сторонников консервативно-традиционалистских ценностей. Это – ценности русского мира, традиции Донской земли, родного народа. И хотя в общем ранжировании ценностных предпочтений «общечеловеческие ценности» стоят для наших студентов на первом месте, в отношении к советским вождям на первый план выходят ценности консервативно-традиционалистского толка. Это, скорее всего, объясняется упомянутой «национализацией» большевизма, которая во многом произошла еще в советские времена, но к нашим студентам она не могла перейти по официальным коммуникативным каналам; скорее всего, здесь сыграла свою роль политическая социализация в рамках семей и неформальных групп. Примечательно, что среди симпатизантов Ленина оказалась добрая треть студентов, охарактеризовавших свои идейно-политические убеждения как «монархические» и «либеральные».

СССР: объект исторической памяти или забвения?

Наряду с оценками Ленина и Сталина, важным событием исторической памяти наших студентов о советском прошлом, которое тоже во многом остается на слуху – это распад советской державы. Хотя как «юридическая и геополитическая реальность» СССР исчез в 1991 году, как элемент живой памяти он продолжал все эти годы существовать для тех «россиян», которые социализировались среди советских реалий. Только когда выросло первое поколение вступивших во взрослую жизнь *постсоветских* людей (а это как раз нынешняя молодежь в возрасте 21-22 лет, то есть, к 2012-2013 гг.), СССР начал становиться объективированной, культурной памятью или собственно «историей» в смысле М. Хальбвакса [2].

Целиком положительно распад СССР оценивают в нашем опросе только 5,4 % опрошенных, а 22 % находят его «скорее положительным». Напротив, однозначно отрицательно к распаду советского государства относятся 18,2 % студентов и еще 31,1 % – скорее отрицательно. При этом 23 % респондентов затруднились с ответом.

Данные нашего опроса не далеки от результатов общероссийских опросов. В январе 2014 года опросе ФОМ (январь 2014) сожаление о распаде СССР выразили 54 % респондентов, тогда как 25 % не сожалели об этом событии, а еще 25 % затруднились с ответом. В сравнении с более ранними опросами здесь обнаруживается тенденция, а именно, существенное сокращение числа сожалеющих о распаде советской страны (в 2001 году таковых было 76 % респондентов), а также числа тех, кто затрудняется определить свое отношение к этому важному историческому событию (в опросах ФОМ от 2001 года называется 8 %). Данные Левада-Центра по этому вопросу существенно не отличаются и тоже фиксируют сходную тенденцию: число сожалеющих о распаде СССР к 2014 году значительно сократилось по сравнению с периодом 1990-х и 2000-х годов (на рубеже этих десятилетий число таких россиян составляло 72-75 %, тогда как в 2014 г. – 54 %) [12].

«Контрольным» вопросом для выяснения мнения донских студентов о распаде советской страны был в нашей анкете вопрос о Беловежских соглашениях декабря 1991 года. У доброй трети респондентов (37 %) это событие вызывает чувство стыда, у 8,1 % – чувство гордости, но больше половины (54,9 %) затруднились дать ему оценку. В аналогичном опросе Левада-Центра (конец 2014 года) количество респондентов, не одобряющих «соглашение лидеров России, Украины и Беларуси от 8 декабря 1991 года о прекращении существования Советского Союза» также значительно превышает число одобряющих это событие: 61 % против 18% [12]. Однако в опросе Левада-Центра только 21 % затруднились с ответом на данный вопрос, что свидетельствует о существенно ином качестве памяти о советском прошлом у наших молодых респондентов. Совершенно очевидно, что Беловежские соглашения выпадают из культурно-исторической памяти о советском времени, публично формирующейся сейчас для молодых россиян, тогда как для старшего поколения это событие остается важной частью живой памяти о прошлом.

Еще в большей мере этот вывод справедлив в отношении исторической памяти студентов о таких ключевых событиях советской истории,

как Октябрьская революция 1917 г., а также индустриализация и коллективизация 30-х гг. прошлого века.

В нашем опросе мы предлагали студентам определить, какие чувства (гордости или стыда) вызывает у них такое событие отечественной истории, как «Великая Октябрьская социалистическая революция» (советское обозначение этого события мы намеренно сохраняли в анкете). Как оказалось, большинство респондентов (62,3 %) в своих чувствах определиться не смогли. Это – верный признак того, что в исторической памяти наших студентов столь важное в истории России событие оказалось на периферии. Из остальных наших респондентов чуть меньше четверти (22,1 %) выразили гордость за Октябрьскую революцию, а 15,6 % – чувство стыда. Скромный перевес в пользу доброжелательного отношения к Октябрьской революции согласуется с данными общероссийских опросов последних лет, которые показывают в отношении «великого Октября» неизменный перевес позитивных оценок над негативными. Так, если в 1990-1997 году 49 % респондентов считали, что Октябрьская революция «открыла новую эру в истории народов России», то в 2011 году такого мнения придерживались 53%. Причем затруднившихся с ответом в 1997 году было примерно столько же, сколько в 2011 году: 21 и 20 % соответственно [13].

В целом, при явной стабильности оценок Октябрьской революции наблюдается тенденция к ее исторической «реабилитации» в глазах россиян, что вряд ли можно объяснить только ситуативными или возрастными факторами. К примеру, в опросе Левада-Центра (от 2011 года) мнение о том, что «революция способствовала развитию народов России», в равной мере (по 31 % соответственно) поддержали как россияне старше 55 лет, так и молодежь до 25 лет [13]. А согласно опросу, который в конце 2013 года был проведен Фондом «Общественное мнение», почти половина российских граждан считают неправильным, что годовщина Октябрьской революции перестала быть красным днем календаря. Причем среди молодых респондентов до 35 лет такого мнения придерживались 32% против 19 % тех, кто находил это правильным.

С позитивным отношением к советской эпохе согласуется и тот факт, что число наших респондентов (30,8 %), испытывающих гордость за такие феномены советской эпохи, как индустриализация и коллективизация, в два раза превышает число тех, у кого они вызывают чувство стыда (15,2 %). Но и здесь (как в случае с Октябрьской революцией) больше половины опрошенных студентов (54,0 %) не смогли определить свое отношение к этим ключевым феноменам советской истории.

Память о советском прошлом в контексте актуальной политики

Наш опрос позволял выяснить, какую роль ключевые события советской эпохи играют в оценке студентами таких значимых событий последних двух лет, как присоединение Крыма к России, а также образование по соседству с Ростовской областью непризнанных республик Донбасса (ДНР и ЛНР). Это, помимо прочего, позволяет увидеть, насколько историческая память наших студентов отвечает новейшим тенденциям официальной «политики памяти».

Оказалось, что память об Октябрьской революции не играет никакой роли в оценке студентами «Крымской весны» – как и в оценке украинского Майдана-2014. Но среди респондентов, испытывающих чувство гордости за Беловежские соглашения 1991, заметно больше (на 15 %), чем среди стыдящихся за это событие, тех, кто однозначно либо скорее отрицательно относится к присоединению Крыма к России. Тем самым респонденты видят два этих события в общем историческом контексте, оценивают их в единой системе координат: воссоединение Крыма с Россией понимается либо как возрождение мощного государства, соразмерного с СССР, либо, напротив, как возрождение «тоталитарной империи».

Аналогичная картина наблюдается и при сопоставлении оценок «Крымской весны» с оценками индустриализации и коллективизации 30-х гг. прошлого века. Здесь мы также видим, что негативное отношение к советскому проекту, а именно, к политике индустриализации и коллективизации, коррелирует с заметно более нега-

тивным, чем среди симпатизантов указанной политики, отношением к присоединению Крыма к России. Далее, среди респондентов, у которых советская индустриализация и коллективизация вызывают чувство стыда, на 8 % больше (по сравнению с гордящимися этими событиями респондентами) тех, кто однозначно либо скорее отрицательно относится к образованию ЛНР и ДНР. Видимо, это связано с опасениями таких респондентов, что возникновение мятежных донбасских республик создает риск возврата в советские времена. Корреляция между оценкой образования ДЛНР и Беловежскими соглашениями 1991 года усиливают это предположение: среди респондентов, испытывающих гордость за Беловежские соглашения, ровно вдвое больше антипатизантов ДЛНР, чем среди гордящихся упомянутыми соглашениями.

Особую роль, особенно при выборе стратегии «проработки трудного прошлого», играют такие спорные и неоднозначные эпизоды отечественной истории, как пакт Риббентропа – Молотова, предполагавший участие России в предвоенном разделе Польши. Левада-Центр на протяжении ряда лет задает россиянам один и тот же вопрос: «Вы поддерживаете или осуждаете подписание пакта о ненападении между фашистской Германией и СССР?». Результат опросов обнаруживают рост числа респондентов, высказывающихся в пользу данного события: от 40 % в 2005 году до 45 % в 2014-м. Число же тех, кто об этом событии ничего не знает либо затрудняется его оценить, колебалось в районе 40 % от общего числа респондентов [14]. Однако опрос Левада-Центра не дает возможности увидеть мотивы, по которым современные российские граждане поддерживают либо отвергают упомянутый пакт. В нашем же опросе мы предлагали студентам большее число возможных вариантов ответа.

В итоге выяснилось, что с утверждением «Россияне должны стыдиться того, что СССР в 1939 г. участвовал в разделе Польши» согласились лишь 5,7 % опрошенных, и только 4,3 % выбрали противоположное по смыслу суждение: «Россияне должны гордиться тем, что в союзе с великой Германией СССР поделил враждебную Польшу». Часть респондентов (14,3 %)

посчитали, что «россияне не должны стыдиться участия СССР в разделе Польши, это – дела давно минувших лет». Но наиболее популярным (33,4 %) оказалось суждение «Раздел Польши 1939 г. не может быть предметом для гордости, но геополитически это было правильное решение». (Сходным образом, большинство наших респондентов не смутились бы «неопровержимыми фактами», доказывающими присутствие российских войск на Донбассе, поскольку больше половины (62,7 %) согласились с мнением, что «даже если [эти войска] присутствуют, это оправдано и необходимо для защиты населения и геополитических интересов России»). Вместе с тем, почти треть опрошенных студентов (30,2 %) затруднились оценить упомянутое событие советской истории. Это, помимо прочего, свидетельствует о невысокой политизированности студенческой аудитории, – с учетом того, что «пакт Риббентропа – Молотова» стал в последние два года одним из излюбленных концептов антироссийской пропаганды.

Историческая память наших студентов встроена в контекст их видения политического процесса в современной России. И первое, на что стоит обратить внимание – это антизападнические установки наших респондентов. В подавляющем большинстве своем они отвергают вхождение России в Евросоюз и НАТО и, к тому же, весьма скептически относятся к интеграции России в европейскую цивилизацию. С утверждением «Лучшее будущее для России – интеграция (экономическая, культурная, политическая) в европейскую цивилизацию» согласились лишь 5,8 % опрошенных студентов. Этот результат стал для нас в некотором смысле сюрпризом, ибо мы полагали, что среди университетской молодежи процент сторонников европейского пути должен оказаться несколько больше, чем в среднем по стране. Это внушали и данные апрельского опроса, проведенного в апреле 2015 года «Левада-Центром»: каждый второй (55%) заявил в нем о необходимости для России идти по «особому пути», а 17% – двигаться по пути европейской цивилизации [15]. В нашем же опросе «западников» оказалось в три раза меньше. Возможно, это объ-

сняется чисто ситуативными и региональными факторами: осложнениями в отношениях с западными странами, соседством с Юго-Востоком Украины и т.п.

Как представляют себе опрошенные нами студенты «особый путь» России? – По их мнению, Россия должна вернуть себе и сохранять в дальнейшем статус великой державы, преследующей свои геополитические интересы. С этой сентенцией согласились в общей сложности более 40 % наших респондентов. Далее, Россия, по мнению трети опрошенных студентов, должна сохранять свое цивилизационное своеобразие, а именно, она «всегда была и должна оставаться многонациональной цивилизацией с ведущей ролью православия и русской культуры». По типу своей государственности Россия должна быть, по мнению многих студентов, скорее империей-цивилизацией, чем европейской нацией-государством. Номинально (т.е. с использованием самого термина «империя») эту позицию выразили около трети респондентов, но, по существу, этого концепта России придерживается гораздо большее их число. Так, с лозунгом «Россия должна быть империей!» полностью согласились 32,2 % студентов. Но при этом следует учитывать еще 21,3%, для которых в данном лозунге «что-то есть», а 23,8% участников опроса, уклонившись от ответа, тем самым тоже не отвергли принципиально имперскую модель для современной России.

Вывод

Указанные идеально-типические черты «особого пути» России, как и традиционалистское восприятие главных вождей большевизма, – всё это указывает, в целом, на популярность у студентов консервативных идей. И в русле этих идей выстраивают они свою память о советской эпохе. Результаты нашего опроса дают основание сделать вывод, что советское наследие продолжает оставаться важным моментом исторической памяти нынешней студенческой молодежи, хотя памяти не живой, а объективированной, культурной. Но насколько организована эта память? Что, прежде всего, за нею стоит: система нынешнего школьного и университетского образова-

ния или, скорее, стихийная социализация в семье и неформальных группах? – Этот вопрос требует отдельного исследования. Во всяком случае, итоги нашего опроса еще раз показывают: в обществе (включая молодежь до 25 лет) имеется запрос на более значительную реабилитацию советского прошлого, чем это делается сейчас в официальной политике памяти. Эта политика, испытав значительную эволюцию от либерального (и антисоветского по своему духу) радика-

лизма первых лет «демократической России» в сторону государственных ценностей национального примирения, все же остается в ряде своих сюжетов (включая отношение к Октябрьской революции и распаду СССР) нечеткой и двусмысленной. Между тем формирование российской нации, без которой у современного российского государства не будет счастливого будущего, требует ясных ответов даже на самые сложные вопросы нашей истории.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти т. Т. 6. Киев, 1902. С. 87-101.
2. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3(40-41). – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (Дата посещения 12.07.2016)
3. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. Поцелуев С.П. «Символическая политика»: К истории концепта // Символическая политика: сб. науч. тр. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 17-53.
5. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 207 с.
6. О Ленине. О роли Ленина в истории России и памятниках Ленину (22.04.2014) // Фонд общественного мнения. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/Proshloe/11472> (дата обращения: 29.10.2016).
7. Россияне о Владимире Ленине (21.04.2014) // Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/2014/04/21/rossiyane-o-vladimire-lenine/> (дата обращения: 19.10.2016 г.).
8. Савельев О. 22 апреля-день рождения В.Ленина. Россияне о его роли в истории страны (19.04.2012) // Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/2012/04/19/22-aprelya-den-rozhdeniya-v-lenina-rossiyane-o-ego-rol-i-istorii-strany/> (Дата обращения: 28.10.2016).
9. Сталин и его роль в истории страны (31.03.2015) // Левада-Центр. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/2015/03/31/stalin-i-ego-rol-v-istorii-strany/> (дата обращения: 12.09.2016).
10. Фигура Сталина в общественном мнении России (25.03.2016) // Левада-Центр. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/2016/03/25/figura-stalina-v-obshhestvennom-mnenii-rossii/> (дата обращения: 12.09.2016).
11. Культурные личности. Меньше четверти россиян считает, что коммунистические вожди навредили стране (30.04.2011) // Фонд общественного мнения. [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/Proshloe/37> (дата обращения: 14.11.2016).
12. Распад СССР в российском общественном мнении (01.12.2014) // Левада-Центр. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/2014/12/01/raspad-sssr-v-rossijskom-obshhestvennom-mnenii/> (дата обращения: 12.09.2016).
13. Октябрьская революция: причины и последствия (02.11.2011) // Левада-Центр. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/2011/11/02/oktyabrskaya-revoljutsiya-prichiny-i-posledstviya/> (дата обращения: 12.10.2016).
14. Вторая мировая и Великая Отечественная войны (31.08.2014) // Левада-Центр. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/2014/08/31/vtoraya-mirovaya-i-velikaya-otechestvennaya-vojny/> (дата обращения: 14.10.2016).
15. Большинство россиян хотят, чтобы Россия шла по собственному пути // Известия (интернет-версия). 21.04. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/585677> (дата обращения: 24.09.2016).

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Renan E. Chto takoe natsiya? // Renan E. Sbranie sochinenii v 12-ti t. T. 6. Kiev, 1902. S. 87-101.
2. Khal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' // Neprikosnovennyi zapas. 2005. № 2-3(40-41). – Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (Data poseshcheniya 12.07.2016)
3. Assman Ya. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti / Per. s nem. M.M. Sokol'skoi. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 368 с.
4. Potseluev S.P. «Simvolicheskaya politika»: K istorii kontsepta // Simvolicheskaya politika: sb. nauch. tr. Vyp. 1: Konstruirovaniye predstavlenii o proshlom kak vlastnyi resurs. M.: INION RAN, 2012. S. 17-53.
5. Malinova O.Yu. Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchei elity i dilemmy rossiiskoi identichnosti. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2015. 207 с.
6. O Lenine. O roli Lenina v istorii Rossii i pamyatnikakh Leninu (22.04.2014) // Fond obshchestvennogo mneniya. Ofitsial'nyi sait. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://fom.ru/Proshloe/11472> (data obrashcheniya: 29.10.2016).
7. Rossiyanе o Vladimire Lenine (21.04.2014) // Levada-Tsentr. Analiticheskii tsentr Yuriya Levady. Ofitsial'nyi sait. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.levada.ru/2014/04/21/rossiyane-o-vladimire-lenine/> (data obrashcheniya: 19.10.2016 g.).
8. Savel'ev O. 22 aprelya-den' rozhdeniya V.Lenina. Rossiyanе o ego roli v istorii strany (19.04.2012) // Levada-Tsentr. Analiticheskii tsentr Yuriya Levady. Ofitsial'nyi sait. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.levada.ru/2012/04/19/22-aprelya-den-rozhdeniya-v-lenina-rossiyane-o-ego-roli-v-istorii-strany/> (Data obrashcheniya: 28.10.2016).
9. Stalin i ego rol' v istorii strany (31.03.2015) // Levada-Tsentr. Ofitsial'nyi sait. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.levada.ru/2015/03/31/stalin-i-ego-rol-v-istorii-strany/> (data obrashcheniya: 12.09.2016).
10. Figura Stalina v obshchestvennom mnenii Rossii (25.03.2016) // Levada-Tsentr. Ofitsial'nyi sait. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.levada.ru/2016/03/25/figura-stalina-v-obshhestvennom-mnenii-rossii/> (data obrashcheniya: 12.09.2016).
11. Kul'tovye lichnosti. Men'she chetverti rossiyan schitaet, chto kommunisticheskie vozhdі navredili strane (30.04.2011) // Fond obshchestvennogo mneniya. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://fom.ru/Proshloe/37> (data obrashcheniya: 14.11.2016).
12. Raspad SSSR v rossiiskom obshchestvennom mnenii (01.12.2014) // Levada-Tsentr. Ofitsial'nyi sait. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.levada.ru/2014/12/01/raspad-sssr-v-rossijskom-obshhestvennom-mnenii/> (data obrashcheniya: 12.09.2016).
13. Oktyabr'skaya revolyutsiya: prichiny i posledstviya (02.11.2011) // Levada-Tsentr. Ofitsial'nyi sait. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.levada.ru/2011/11/02/oktyabrskaya-revolyutsiya-prichiny-i-posledstviya/> (data obrashcheniya: 12.10.2016).
14. Vtoraya mirovaya i Velikaya otechestvennaya voyny (31.08.2014) // Levada-Tsentr. Ofitsial'nyi sait. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.levada.ru/2014/08/31/vtoraya-mirovaya-i-velikaya-otchestvennaya-voyny/> (data obrashcheniya: 14.10.2016).
15. Bol'shinstvo rossiyan khotyat, chtoby Rossiya shla po sobstvennomu puti // Izvestiya (internet-versiya). 21.04. 2015. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://izvestia.ru/news/585677> (data obrashcheniya: 24.09.2016).